

Сюэ Шу уже взялся за створку двери, когда за спиной раздался голос:

— Пстой. Вернись.

Кровь мгновенно вскипела в жилах. Он резко обернулся, и в его потемневших глазах остался лишь один человек — весь остальной мир перестал существовать.

— Ваше Высочество...

От бешеного стука крови в висках голос его охрип, а от изумления прозвучал неестественно глухо. Весь он подобрался, напрягся, точно хищник перед прыжком — взгляд острый, тело — натянутая струна, само воплощение невыразимой, еле сдерживаемой угрозы.

Будь Инь Чэньюй в ясном сознании, он бы с первого взгляда распознал и бушующие в Сюэ Шу чувства, и проснувшееся желание. Но наследный принц был пьян.

Он сидел на ложе, косо прислонившись к резному столбику кровати. Верхние одежды распахнулись после недавней возни, алая внутренняя рубашка смялась, воротник съехал, обнажая безупречно белую, словно нефрит, кожу шеи. Когда он что-то бормотал во сне, кадык на его горле двигался — точно алый цветок дикой сливы, пламенеющий на девственно-белом снегу. И этот огонь дотянулся до самых глаз Сюэ Шу, опалая его изнутри.

Шаг за шагом Сюэ Шу подошел к Инь Чэньюю и остановился, глядя на него сверху вниз.

Хотя спину он держал прямо, а поза оставалась почтительной, в глубине опущенных темных глаз уже собиралась буря.

Он снова позвал, и голос его дрожал от неуверенности и смутной, еще не осознанной им самим надежды:

— Ваше Высочество...

Человек, прислонившийся к изголовью, тихо застонал и потер переносицу, прежде чем поднять лицо:

— У Гун¹ болит голова. Сначала уложишь меня спать, потом пойдешь.

(¹ Гун (□) - «Мы», местоимение, используемое правителем при обращении к подданным. Иногда в тексте будет так)

В его тоне сквозила привычная уверенность, холодное высокомерие наследного принца, но

хриплые нотки придавали голосу неожиданную, волнующую интимность.

Инь Чэньюй выпрямился, раскинул руки и слегка вздернул подбородок. В затуманенных вином глазах не отражалось ничего, но вся его поза дышала несравненным благородством.

Сердце Сюэ Шу бешено колотилось. Он не сводил с принца глаз, пожирая его взглядом, и отчаянно желал одного — смять это благородство, втоптать его в грязь, превратить во что-то иное.

Темное, яростное желание разрушать поднялось из глубин его души, но разум тут же набросил на него прочные цепи, заперев в темнице, откуда доносился лишь бессильный рев.

Он слегка наклонился. Виски напряженно пульсировали, кадык несколько раз дернулся, прежде чем он с трудом выдавил:

— Слуга поможет Вашему Высочеству отойти ко сну.

С этими словами он помог Инь Чэньюю снять верхнюю одежду, распустил его волосы, стянул обувь и носки, оставив принца лишь в белоснежной нижней рубашке.

Инь Чэньюй к этому времени уже едва боролся со сном. Пробормотав: «Помассируй мне голову», — он лег и закрыл глаза.

Он всегда придавал огромное значение этикету, и даже спал в безупречной позе. Лежа неподвижно, он походил на нефритовую статуэтку, созданную кропотливым трудом искусного мастера — такую, что вызывала благоговейный трепет и одновременно искушала разрушить ее совершенство.

Сюэ Шу присел на край ложа. С величайшей сдержанностью он протянул руку и откинул темные пряди волос принца в сторону. Волосы Инь Чэньюя были полной противоположностью его натуры — невероятно мягкие.

Шелковистые пряди скользнули меж пальцев. Сюэ Шу неосознанно сжал кулак, но тут же разжал его. Кончики пальцев легли на виски принца, и он начал осторожно, медленно массировать их, тщательно контролируя силу.

Никто не мог бы догадаться, какая буря бушевала в его душе, какие дерзкие, непочтительные мысли роились в голове.

Когда Чжэн Добао принес отвар от похмелья, Инь Чэньюй уже спал. Сюэ Шу сидел на краю ложа, слегка наклонившись, и массировал виски наследного принца.

Свет падал на евнуха сбоку, деля его лицо надвое. На мгновение Чжэн Добао показалось, что скрытая в тени половина лица исказилась в злобной гримасе, превратив Сюэ Шу в демона из преисподней, скалящегося во тьме.

Но он моргнул, и обман зрения рассеялся. Сюэ Шу повернул к нему лицо и тихо проговорил:

— Его Высочество крепко спит.

Чжэн Добао прижал руку к груди, подумав, что действительно стареет — раз уже начало мерещиться всякое.

Он осторожно подошел ближе и прошептал:

— Цзяньгуан Сюэ, вы сегодня сопровождали Его Высочество, должно быть, устали. Возвращайтесь к себе отдыхать, здесь я сам справлюсь.

Взгляд Сюэ Шу внезапно стал колючим. Когда Чжэн Добао приблизился, он опустил полог кровати:

— Его Высочество жаловался на головную боль и только что уснул. Не стоит его больше беспокоить.

Чжэн Добао согласился. Оставив лишь одну лампу, он взял поднос с отваром и вышел вместе с Сюэ Шу.

Вернувшись в свою комнату, Сюэ Шу сел у окна. Он достал из-за пазухи платок и поднес к лицу, вдыхая аромат.

Платок был выстиран, пятен на нем не осталось, но тонкий, едва уловимый запах зимней сливы — тот же, что исходил от Инь Чэньюя — все еще ощущался.

Огрубевшие пальцы медленно, дюйм за дюймом, перебирали ткань. Сюэ Шу неподвижно сидел у окна, позволяя холодной ночной росе пропитывать одежду.

Неизвестно, сколько он так просидел. Наконец, он с трудом размял затекшие конечности и лег на ложе, спрятав платок под подушку. Даже во сне его преследовал легкий аромат зимней сливы.

Возможно, сказалось то, о чем он думал днем.

Этой ночью Сюэ Шу увидел во сне Инь Чэньюя.

Драгоценный, словно из золота и нефрита, наследный принц был облачен лишь в ярко-желтую нижнюю рубашку. Ворот ее был распахнут, а сам он лежал в объятиях Сюэ Шу.

А на нем самом был безупречный алый придворный халат.

Алый и желтый цвета сплетались воедино. Он склонился над принцем, жадно вбирая его сущность. А тот, кто лежал в его руках, полуприкрыл глаза, ресницы его были влажными. Длинные белые пальцы судорожно сжимали рукав Сюэ Шу, на тыльной стороне ладони проступили синие жилки.

Он накрыл его руку своей, медленно разжал сведенные пальцы и переплел их.

Сердце переполняло пьянящее чувство. Проснувшись, Сюэ Шу все еще ощущал в теле остаточное возбуждение и трепет от всепоглощающего контроля.

Говорят, сны — лишь иллюзия, и пробудившись, человек все забывает. Но Сюэ Шу помнил все до мельчайших подробностей.

Стоило ему закрыть глаза, и он вновь видел, как трепетали ресницы принца.

Ощущение власти над ним, возможность брать все, что захочется, пьянило и сводило с ума. Особенно потому, что этот человек был божеством, которого он не смел коснуться.

Сюэ Шу прикрыл глаза и медленно выдохнул.

Но безумный голос в душе не умолкал. Поколебавшись, он достал из-под подушки платок и направился в купальню.

Инь Чэньюй проснулся уже ближе к полудню.

Потирая виски, он сел на ложе. Голова была тяжелой и гудела. Он вяло позвал Чжэн Добао, прося принести воды.

Чжэн Добао подал ему чашку теплой воды, затем пиалу с отваром от похмелья и только потом принес влажное полотенце для умывания.

— Вашему Высочеству лучше? Если голова все еще болит, может, позвать Цзяньгуана Сюэ,

чтобы он снова помассировал? — причитал Чжэн Добао, помогая принцу умыться. — У Цзяньгуана Сюэ руки умелые.

Инь Чэньюй замер.

Лучше бы Чжэн Добао не упоминал Сюэ Шу. Одно его имя — и принц вспомнил вчерашний вечер.

Он не был слабостью пьяницей, и вчера не напился до беспамьяства. Просто вино обострило чувства, а глядя на до боли знакомое лицо, он невольно смешал прошлое и настоящее.

Он вел себя неподобающе.

Инь Чэньюй опустил глаза и ровным тоном спросил:

— Где Сюэ Шу?

— Несет службу снаружи, — ответил Чжэн Добао. Он теперь относился к Сюэ Шу с большой симпатией. Раньше он не понимал, зачем Его Высочеству держать при себе такого юнца, но теперь видел: Сюэ Шу хоть и молод, но дела ведет куда расторопнее прочих.

А главное — он предан Его Высочеству!

Подумать только, он теперь тоже чиновник, хоть и небольшой. Тысячник Западного департамента — это, конечно, не бог весть что, но должность цзяньгуана в Императорских конюшнях — место, за которое все бьются не на жизнь, а на смерть. Оскопленным евнухам недоступны многие радости жизни, поэтому власть и положение они ценят превыше всего.

Нынешний Император благоволит придворным евнухам. Императорские конюшни контролируют гарнизон Сывэй и гарнизон храбрецов — целых двадцать тысяч солдат. Главный евнух Императорских конюшен расхаживает по дворцу так, словно ему все дозволено, и все его подчиненные задирают нос.

Сюэ Шу в столь юном возрасте занял пост цзяньгуана Императорских конюшен. Над ним всего три-четыре начальника, да и сам Император ему благоволит — будущее у него блестящее.

Но перед Его Высочеством он ведет себя как обычный слуга, готовый выполнить любое поручение.

Все, что касается наследного принца, он берет на себя, во все вникает лично. Чжэн Добао даже чувствовал легкий укол зависти!

Думая о достоинствах Сюэ Шу, Чжэн Добао не удержался и добавил:

— Он пришел с самого утра. Расставил посты, сменил караул — теперь в этой временной резиденции и муха не пролетит. Командир Чжао вчера мне жаловался, что Цзяньгуан Сюэ почти всю его работу переделал.

Инь Чэньюй усмехнулся:

— Передай Чжао Линю, чтобы не беспокоился. Если Сюэ Шу хочет работать — пусть работает.

Приведя себя в порядок и переодевшись, Инь Чэньюй направился в главный зал к обеду.

У входа он столкнулся с Сюэ Шу.

Тот был одет сегодня в темно-красную рубашку с круглым воротом и эмблемой подсолнуха, туго перетянутую черным роговым поясом, подчеркивающим его стройную талию. Волосы были собраны в высокий хвост, без головного убора. Весь его облик — подтянутый, строгий, без единой лишней детали — напоминал отточенный клинок, вонзившийся прямо в глаза Инь Чэньюю.

Принц скользнул по нему взглядом, проигнорировал пристальный взор и вошел в зал.

После обеда снова явился Вань Юлян. Он подобострастно пригласил Инь Чэньюя прогуляться по городу, ни словом не упоминая о делах Соляного управления.

Раз он молчал, Инь Чэньюй тоже не стал поднимать эту тему и кивнул в знак согласия:

— Гун впервые в Тяньцзиньском гарнизоне. Хотелось бы получше узнать местные нравы и обычаи. Сегодня я последую за господином Ванем и осмотрю окрестности.

Услышав это, Вань Юлян поспешил вперед, указывая дорогу. Его лицо расплылось в улыбке, жирные складки на щеках затряслись.

«А про себя-то думает, — отметил Инь Чэньюй, — говорят, наследный принц необычайно мудр, но, похоже, слухи сильно преувеличены. Обычный юноша, падкий на еду, питье и развлечения».

«Лишь бы умаслить его да спровадить поскорее, — размышлял Вань Юлян, — и я снова буду здесь полновластным хозяином. А потом, когда придет время перевода, подмажу кого следует, получу хорошее место — и будущее мое обеспечено».

Каждый думал о своем. Они вышли из резиденции, сели в паланкины и отправились на оживленные улицы.

Паланкин остановился на шумной улице. Инь Чэньюй вел себя так, будто действительно приехал сюда ради развлечений и осмотра достопримечательностей. Увидев что-нибудь интересное, он останавливался и рассматривал диковинку. Вань Юлян, стремясь угодить, тут же покупал все, на что падал взгляд принца, и приказывал отправить в резиденцию.

Так они провели полдня. Наконец Инь Чэньюй вошел в чайную.

Вань Юлян хотел было приказать очистить заведение, но Инь Чэньюй остановил его:

— Так веселее. Радостью нужно делиться с другими.

Чиновнику пришлось уступить. Он сел ниже принца и велел службе подать лучший чай и закуски.

Инь Чэньюй сосредоточенно слушал рассказчика на помосте. Тот повествовал историю о любви ученого и красавицы, закончившуюся счастливым браком. Принцу сюжет показался избитым, но публика внизу была в восторге, то и дело раздавались одобрительные возгласы.

Инь Чэньюй все понял и больше не смотрел на сцену, лишь неторопливо потягивал чай.

Как только мысли его отвлеклись, он заметил то, на что раньше не обращал внимания. Скопив глаза вправо, он, как и ожидал, увидел Сюэ Шу, не сводившего с него взгляда.

Глаза евнуха были темными, непроницаемыми — кто знает, что творилось у него в голове.

Инь Чэньюй едва не рассмеялся от досады. Сюэ Шу в последнее время становился все смелее.

Он недовольно нахмурился и подозвал службу:

— Принеси самые сладкие ваши пирожные, по одной порции каждого вида.

Служка поклонился. Поняв, что перед ним важный гость, он не смел мешкать и вскоре принес четыре блюда с лакомствами.

Там были и финиковые пирожные, и «облачные лепешки» — сладости, пришедшие из других мест, — и местные деликатесы вроде витых жареных косичек «махуа» и «восьми тяньцзиньских закусок».

Инь Чэньюй взял финиковое пирожное и откусил кусочек. Как он и ожидал, в маленькой чайной сладости готовили грубо, из дешевых продуктов. Пирожное было приторно-сладким, и даже ему, любителю сладкого, оно не понравилось.

Он удовлетворенно улыбнулся.

Положив надкушенное пирожное обратно на блюдце, он указал на сладости и сказал Сюэ Шу:

— Гун это не по вкусу. Дарю тебе.

Брови Сюэ Шу дернулись, но взгляд его упал на надкушенное финиковое пирожное.

Помолчав мгновение, он взял именно этот кусочек, откусил там же, где принц, и тихо произнес:

— Благодарю Ваше Высочество за щедрость.

Инь Чэньюй не добился желаемого эффекта. Видя, что Сюэ Шу взял именно надкушенный кусок, он помрачнел. Но при посторонних он не мог выказать своего недовольства и лишь процедил сквозь зубы с фальшивой улыбкой:

— Раз тебе нравится, съешь все. Гун не любит, когда выбрасывают еду.

Сюэ Шу опустил глаза и снова поблагодарил.

Сидевший рядом Вань Юлян прищурил свои блестящие глазки, переводя взгляд с одного на другого.

«Похоже, — смекнул он, — наследный принц весьма недоволен этим Цзяньгуаном Сюэ, присланным Императором. Говорят, евнухи злопамятны, но этот Цзяньгуан Сюэ, кажется, умеет терпеть».

Вань Юлян внутренне усмехнулся. Вот он, его шанс!

Примечание автора:

Пёсель: Храбрый пёсель, смело идущий на мужика!

<http://bllate.org/book/13382/1190731>